

Существование различных языков логического описания как центральная проблема философской антропологии

Чамаева Наталья Александровна

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: nat_cham@mail.ru

Человек двадцать первого века существует в пространстве, наполненном настолько разнородными вещами, что испытывает замешательство и бессилие от неспособности логически связать, осмыслить и освоить все, что он обнаруживает внутри и снаружи. От необъяснимости, беспочвенности, беспредметности нынешнего состояния он начинает выдумывать прошлое, придавать ему значимость, ищет точку отсчета, исток и начало. Он "раскручивает" историю в обратную сторону, безымянное (как полагают психоаналитики) перевода в логически связанное целое. Это прошлое одни называют травмой, другие большим взрывом. Человек выбрасывает из себя определения, как амёба ложноножки, и опирается на эти объективации. Порой его посещает мысль, что может не быть разницы между вовне и внутри. Постоянную границу между внутренней и внешней средой не провести, если центр не фиксирован. Центр возникает, когда идея центральности возникает в сознании автора дискурса, и постепенно угасает, как и сам умирающий автор. Попытка осмыслить и выразить в словах промежутки между мыслями, рассеянные пустоты, безобразное и безымянное способна заполнить еще не один шкаф в библиотеке текстов.

Мы постоянно имеем дело с *чем-то*, с локальными логическими универсумами, с конкретными, отдельными, целостными мирами, но за пределами их определенности остается неясное чувство, что тексту что-то предшествовало. Можно назвать его зовом бытия или метафизическим голодом, необходимостью ощущать за плечами общий первичный мир, содержащий всю совокупность мест, или тоской по родному дому, подлинному, своему, ничем другим не присвоенному миру. Пытаясь уловить это ощущение, мы получаем определение, новый текст во все той же оболочке смутной тревоги. Но в условном, придуманном, сыгранном мире дискурса человеку становится легче дышать, он уже не один, ему есть с кем разделить чувство страха, вину и ответственность - будь это Бог, семья, наследственность, среда, характер, "я сам", поколение, возраст, элиты, религия, разум, масс-медиа, Америка, прошлое, экономический базис, дух времени, узурпаторы, идеологи, злоумышленники, метафизики. В дискурсе всегда будет присутствовать кто-то другой, что-то другое. И человек чувствует, как он снова на какое-то время наполнен смыслом.

Столпотворение различных логик строения миров в голове автора вызывает сомнения в возможности описать их одновременно и равновесно. Интересно задуматься над тем, откуда вообще возникает тоска по макротеории и универсальному языку, какова природа этой тяги к симметрии и равновесию, связности и очередности речи.

В архаике первый человек воздвигает тотемный столб посреди жилища. Он чувствует воздействие силы тяжести, вектор приложения этой силы устремлен вниз, к центру вращающейся вокруг себя земли. В состоянии невесомости все направления обладают одинаковой ценностью. На уровне солнечной системы планеты вращаются вокруг звезды, занимающей центральное место. Во вселенной располагаются галактики, расстояния между ними различны. Вращается ли Солнечная система вокруг чего-либо еще, открыт. Гипотезы однородности и изотропности в стандартной астрофизической модели мира не предполагают наличия фиксированного центра. Возможно, макромир - это расплывающаяся

во все стороны сетевая структура с перемещающимся фокусом, выделяющим некоторое место и присваивающим ему временный статус центра. Если мозг представить в виде сети с параллельной модульной архитектурой, выстроенной из простых одно- или многозадачных процессоров, то описать сосуществование и взаимодействие его структур, различных по логике построения, не отдавая при этом предпочтение ни одной из имеющихся логик, не осуществляя насилия редукцией и не впадая в умственный паралич, едва ли возможно.

Человек постоянно думает о том, мыслимо ли нечто за пределами его самого. Утверждая множественность точек зрения, поднимая в воздух каждый предмет, чтобы обнаружить его обратную сторону, он никак не может примириться с желанием сначала выстроить их в иерархию, расставив плюсы и минусы, обозначив полюс силы, а затем сокрушить всю конструкцию направленным вовнутрь взрывом. Сознание, которое еще не привыкло, что ему нечего себе противопоставить, теряет летучесть и гибкость. оно или беспорядочно переключает ближние и дальние планы, или отключает систему контроля и навигации, переходит в состояние абсурда.

Проблема в том, что бесконечность немыслима, ведь мы не можем определить ее, не утратив. Безграничность мыслима только как пространство взаимного погашения плюсов и минусов. Чтобы сохранить гипотезу бессмертия, приходится признать бесосновательность какого бы то ни было сделанного выбора, вернее, равновероятность возможных исходов. А привыкнув к идее равнозначности направлений, мы зависаем в состоянии неопределенности, "невесомости" - до наступления нового перелома, крена, перекоса в распределении энергии, с которого начинаются процессы возникновения-исчезновения, рождается еще один мир. Нельзя не вспомнить, что угасание - дословно "нирвана" на санскрите - часто именуют несуществованием, имея в виду невозможность соединить в опыте бытие и небытие, да и нет, плюс и минус, жизнь и смерть, так как их гипотетическое единство сделало бы бессмысленным (заумным, абсурдным) язык описания такого синтеза. Говорят, что небытие - один из ликов бытия, что отсутствие дискурса суть очередной дискурс, что природа не терпит пустоты, у Бога нет равнозначного противника и все это вопрос множественности статусов существования. "Небытие ни помыслить нельзя, ни в слове выразить", - и из этой гипотезы вытекает такой тип логической связи, который подходит для описания процессов на уровне замкнутых конечных миров, вернее, локального мира. Ценность, смысловой стержень и сакральный центр размещаются внутри каждого мира. по-видимому, именно такой модели соответствует пространство сосуществования вращающихся вокруг своей оси и тяготеющих к звезде и друг другу коперниканско-ньютонических централизованных миров.

Предположим, что макромир можно выстроить так, чтобы наличие и отсутствие не совпадали и не изменяли себе. В такой модели пустота *отсутствует* между местами, которые *присутствуют* без пустоты. Движение от наполнения к опустошению и обратно соответствует процессу фокусировки и описывается языком, не сводящим небытие к бытию и сохраняющим возможность соседства А и не-А. Опыт подобного мира дает нам образ пульсирующего в пустоте сознания как пространства-времени связывания дискурсов с переходящим фокусом. Возможно, мы всегда имеем дело с единственным, вернее, тотальным миром, способным вместить что угодно, не исключая ни гипотезу о собственной относительности и неполноте, ни множественность различных типов логических связей и структур. Но как убедительно и связно описать такой мир, не сделав его лишь фигурой среди других фигур на шахматной доске, видимо, не придумали пока ни Гегель, ни Ницше, ни Хайдеггер, ни другие.